

Альма Мария Майер

Отель для двоих

18+

Альма Мария Майер

Отель для двоих

«Автор»

2026

Майер А.

Отель для двоих / А. Майер — «Автор», 2026

Сара научилась вплетать разбитые надежды в черновики своих неизданных книг. Когда её идеальный роман с французским журналистом в Москве внезапно превратился в иллюзию, оставив после себя лишь оглушительную тишину, она пыталась сбежать от всех. Лишь спустя многие годы Сара заново собрала себя по кусочкам и, когда имя Сэма стало для неё просто блёклым воспоминанием, судьба снова свела их. Но за красивыми обещаниями Сару ждет всё та же незакрытая рана: у Сэма по-прежнему есть жизнь, в которой ей нет места. Что же он выберет? Сделает ли её главной женщиной своей жизни или им так и не суждено остаться вместе?

© Майер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Глава	14
Глава 3	17
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Альма Мария Майер

Отель для двоих

Часть 1

Глава 1

На часах был о уже полвторого ночи. Я стояла у стойки ди-джея и наблюдала за толпой на танцполе. «Сегодня он не придет», — промелькнула мысль. Почему я ждала именно его? Мне и самой это было неясно: я вечно подшучивала над ним и считала жутким занудой. Боже, он всегда столько говорил, что я не могла вставить ни слова!

Его звали Сэм. Будучи гражданином Франции, он работал в московском бюро одного из парижских новостных агентств и совершенно не говорил по-русски. К счастью, мы оба свободно владели английским, который и стер все границы между нами.

Я отогнала мысли о нем и решила, что просто буду танцевать одна. Ничего страшного в этом не было, я часто так делала. Но вот уже много месяцев этот парень каким-то чудом оказывался рядом.

Все началось с того, что я увидела его в глубине танцзала. Обычная черная футболка, в руках стакан виски. А его взгляд... Пронизывающий взгляд самых красивых глаз, которые я когда-либо видела. Он буквально испепелял меня взглядом, сияя каким-то внутренним светом. То ли сила нашего взаимного притяжения способствовала этому, то ли что-то еще, но мы начали двигаться навстречу друг другу.

Потом завязался разговор, мы обменялись номерами, но я даже не запомнила его имени. Периодически он писал мне, напоминая о себе, но наше общение не заходило дальше дежурного «привет, как дела». И так продолжалось какое-то время. Но именно в тот вечер, когда его почему-то не было в баре, где мы так часто пересекались, мне отчаянно хотелось, чтобы он пришел.

Два часа ночи. Толпа заполнила танцпол, было тяжело понять, кто и где танцует. И тут я увидела его. Он пробирался сквозь толпу прямо ко мне. На нем была белоснежная рубашка. Она так подчеркивала линию его плеч, что у меня перехватило дыхание.

— Ты потрясающе выглядишь! — Я обняла его, но не так, как обычно. Это не был формальный дружеский жест, и я сама не понимала, что изменилось во мне в этот вечер. То, что я пришла одна? Но я часто так делала. Или я чувствовала себя непривычно одиноко? Я не стала долго размышлять об этом, просто призналась ему — искренне и открыто.

На его лице отразилось явное недоумение. На мгновение он даже застыл, но быстро взял себя в руки.

— Я соскучилась по тебе!

Теперь он выглядел по-настоящему пораженным. Я почти читала его мысли: «Откуда такие перемены? Эта девушка месяцами игнорировала мои попытки выйти за рамки танцпола, а теперь заявляет, что соскучилась?»

Вероятно, он тоже решил отложить решение этой загадки на утро. Пришло время танцевать.

Большую часть вечеров мы танцевали только друг с другом, но он никогда не позволял себе лишнего. По правде говоря, я не понимала, почему он не решается хотя бы взять меня за руку. Ни одной попытки показать, что я интересна ему как девушка, а не просто партнер по танцам. Это заставляло меня думать, что мы только друзья. И пусть будет так. Не в моих правилах делать первые шаги, если я не вижу четких намеков со стороны мужчины.

Моя близкая подруга, наблюдавшая за нашими танцами со стороны, часто допытывалась: — Да что вообще между вами происходит? Вы вместе или как?

— Арина, я не знаю, — честно отвечала я. — Он ни разу не пытался назначить встречу вне бара. Я думаю, у него ко мне ничего нет, иначе он давно хотя бы спросил, свободна ли я, или позвал на кофе. Но ничего подобного не было.

По правде говоря, он часто писал мне длинные сообщения о том, что было бы здорово узнать меня поближе, если я, конечно, не против. Но я, вероятно, ждала от него конкретики: времени и места. Он же, не видя с моей стороны ни малейшего намека на ответный интерес, старался быть обходительным и не навязываться, чем производил ложное впечатление равнодушия.

Переломный момент наступил, когда я решилась позвать его в кино: мне до безумия хотелось посмотреть «Короля Льва». Но когда настал «день икс», выяснилось, что у меня банально закончились деньги. Это было так глупо и нелепо! Я не отважилась назвать ему реальную причину отказа, а он как истинный джентльмен ответил, что всё понимает и мы можем сходить в другой раз.

Прошло еще несколько недель, прежде чем я позвала его на кофе. Он был так рад, что согласился мгновенно. Это была наша первая встреча вне стен бара.

Мы немного прогулялись, и он выбрал кафе с открытой террасой. Легкий ветерок напоминал, что уже наступил вечер, хотя на дворе середина июля. На мне была белая водолазка, длинная цепочка, мягко спускавшаяся чуть ниже груди, и самые обычные голубые джинсы. Мне казалось, что так я выгляжу достаточно консервативно, без малейшего намека на флирт. «Это просто дружеская встреча, — повторяла я себе, — а не свидание».

Весь вечер говорил только он. Рассказывая о вещах, которые его волновали, и не имея возможности обсудить это с кем-то другим, он был безумно рад обычной человеческой беседе. Ему так много хотелось мне поведать, но время бежало слишком быстро.

Через несколько часов я сообщила, что завтра мне нужно на работу, поэтому танцевать я не пойду, хоть и была пятница. Сэм же собирался пойти в бар один. Он проводил меня до станции метро.

— Я очень рад нашей встрече. Спасибо, что наконец дала нам возможность узнать друг друга ближе вне бара, — сказал он, остановившись у входа. — Я и не знал, что ты такой хороший слушатель.

Он наговорил мне еще много слов благодарности.

— Я тоже очень рада, что мы встретились не на танцполе, а просто за чашкой кофе, — ответила я искренне. — Я действительно хорошо провела время.

Мы обнялись, и он ушел, оставив меня обдумывать то, что успел рассказать за эти несколько часов. Всё, о чем мы говорили, не касалось меня лично, но я продолжала прокручивать его слова в голове, еще не понимая, почему они обрели такое влияние на мои мысли.

Мы начали общаться каждый день, а иногда он даже звонил.

В тот вечер телефонный звонок прорвался сквозь мой дневной сон. Я взглянула на часы — уже около семи. Комната была погружена в вечерние сумерки, и только холодный свет телевизора слабо освещал пространство. Легко было догадаться, кто это, ведь, кроме него, мне практически никто не звонил.

Я ответила на звонок и сразу услышала его взволнованный голос. Сердце сжалось, я мгновенно поняла: что-то стряслось.

— Ты в порядке? — спросила я, садясь на диване.

— Я? Да... все хорошо. — Он запнулся. — Просто был жуткий день. И еще... был очень непростой разговор. Мне звонили из Парижа.

Наступило тягостное молчание. Я чувствовала его подавленность даже через километры проводов.

— Я приеду. Где ты? — предложила я, не раздумывая.

— Я еще работаю... в кафе на Чистых прудах. Если тебе не трудно...

— Буду через час.

— Целую.

— И я тебя целую.

Я положила телефон, и эта последняя фраза, сорвавшаяся с губ так естественно, заставила меня замереть. Мы никогда раньше не говорили друг другу таких слов. Но сейчас, когда ему было плохо, все это отошло на второй план.

Нас связывала только дружба. По крайней мере, мне так казалось. Ведь он всегда был рядом именно тогда, когда я в нем нуждалась: в моменты радости и, что важнее, в самые тяжелые минуты, когда так необходимо крепкое мужское плечо.

Сэм был готов мчаться через весь город, просто чтобы обнять меня, когда я, захлебываясь слезами, жаловалась по телефону на невыносимый суточный график в отеле. Как иностранке, оставшейся в Москве после института, мне приходилось доказывать свое право на место под солнцем гораздо активнее, чем остальным. Он всегда провожал меня до двери, переживая, как я дойду одна среди ночи после танцев. Он звонил просто так, чтобы спросить, как прошел мой день, или рассказать о своем. Сэм — великий любитель философии, за что в кругу друзей я в шутку прозвала его «Профессором». Он был так внимателен ко мне, порой чересчур, что иногда это даже раздражало.

Но так было до этого дня. В этот вечер всё изменилось. Навсегда. Этот вечер стал отправной точкой в нашей истории.

Я вскочила с дивана и лихорадочно начала собираться. Мое «буду через час» означало, что выйти нужно сию же минуту. Быстро натянув джинсы и черную рубашку, я выбежала из дома. На улице лил дождь, но я даже не взяла зонт — просто не заметила, что происходит за окном, настолько была в своих мыслях.

Выйдя из метро, я набрала его номер. Мы договорились, что я позвоню сразу, как появлюсь на поверхности, и он меня встретит.

По его измотанному виду было ясно, что за весь день у него маковой росинки во рту не было, но, когда подошел официант, Сэм даже не открыл меню. Он словно боялся потратить на еду лишнюю секунду, которую мог провести, просто глядя на меня. В итоге мы оба заказали по капучино. Он настойчиво уговаривал меня съесть хоть что-нибудь, но моего любимого шоколадного торта не оказалось. По правде говоря, я совсем не чувствовала голода: в такие моменты аппетит у меня пропадал напрочь. Мне хотелось поскорее узнать, что же у него стряслось.

Но Сэм — в своем репертуаре — не спешил переходить к проблемам. Ему хотелось насладиться обычным осенним вечером, и я охотно поддерживала эту беседу «о жизни».

В какой-то момент он спросил, какая моя самая большая мечта. Никогда не забуду, как я смутилась, но ответила честно: мечтаю о большом доме и собственной семье. Сэм улыбнулся и сказал, что это мило, хотя мне показалось, что мой ответ его немного удивил.

Мы вышли на крыльцо кафе подышать. В этот момент у него зазвонил телефон, и Сэм отошел в сторону. Несмотря на то, что ливень не унимался, он даже не вспомнил про зонт, оставшийся на столике. Я слышала, как он говорит на французском. Голос был напряженным, а значит, новости были скверными. Впрочем, на его лице, как обычно, ничего нельзя было прочесть.

Когда мы вернулись за столик, я молча ждала объяснений. Сэм признался, что сейчас находится в процессе развода, а звонила его жена. У них был маленький сын, но Сэм уже больше года не жил с семьей. Сейчас ребенок серьезно заболел — пневмония. Мне не нужно было слов, чтобы понять его состояние: каково это — быть в другой стране и не иметь возможности сорваться и немедленно улететь в Париж из-за обязательств по работе.

Получасом позже мы попросили счет и вышли на улицу. Оказалось, Сэм даже не подозревал, что, если я обниму его за талию, ему будет гораздо удобнее держать зонт над нами обоими. Для него это стало настоящим открытием. Я невольно подумала: неужели в Париже дожди идут реже, чем в Москве, раз он до сих пор не освоил эту нехитрую науку?

Я не задумывалась, куда именно мы идем, пока мы не зашли в другую кофейню. Оказалось, Сэм вел меня сюда целенаправленно — купить шоколадный торт. Я совершенно забыла о нем, но Сэму так хотелось сделать мне приятное! Я с радостью выбрала самый красивый кусок, и мы отправились гулять дальше.

Мы шли вдоль улицы. Дождь уже закончился, и теплый ветер словно шептал, что нам пора расходиться — на часах было около полуночи. Разговор шел сам собой о каких-то пустяковых вещах, но внутри меня всё дрожало.

Я вдруг вспомнила тот момент в кафе, пару часов назад... Когда Сэм делился своими наблюдениями о жизни, я на секунду коснулась его плеча и поняла, что буквально тону в его карих глазах. Мне казалось, он этого не заметил, а мне так не хотелось убирать руку с его голубой рубашки: от него исходило тепло, которого я не чувствовала уже очень давно.

Именно это воспоминание придало мне сил. Я понимала: если не скажу сейчас, то не скажу никогда.

— Знаешь... — Я запнулась, глядя себе под ноги, а потом выпалила на одном дыхании: — Ты мне очень нравишься, Сэм.

Он ничего не ответил, лишь продолжал идти рядом, глядя вперед. Пауза затянулась, и мне стало казаться, что мои слова просто унесло ветром или он сознательно их проигнорировал. Мы прошли еще несколько метров в этом, продолжая обсуждать какую-то ерунду, пока я не выдержала:

— Ты сделал вид, что не услышал? Ну, то, в чем я тебе только что призналась... что ты мне нравишься... Или для тебя это действительно неважно?

Сэм остановился, мягко улыбнулся и, наконец встретившись со мной взглядом, ответил, что, конечно же, слышал. Просто не знал, как на это отвечать.

Тогда я сама сократила расстояние между нами и, глядя ему прямо в глаза, потянулась за поцелуем.

Мне казалось, это длилось всего мгновение. Наверное, в такие минуты поцелуй всегда кажется слишком коротким. Сэм ответил нежно, сладко и как-то очень податливо. Именно так, как я себе и представляла. Когда я отстранилась, на его лице застыла улыбка и искреннее, почти детское удивление. Я никогда не забуду это выражение его лица.

— Я так долго ждал этого момента, Сара — прошептал он, когда наши губы наконец разъединились. Его голос был хриплым и все еще подрагивал от волнения. — Ждал момента, когда смогу поцеловать тебя... А ты сделала это первой. Я безумно рад. Хотя, наверное, это и так видно по моему довольному лицу — на случай, если ты вдруг сомневаешься, стоило ли оно того.

Я посмотрела на него, чувствуя, как внутри всё замирает от его признания.

— Я просто не могла ждать дольше, — ответила я тихо, но уверенно. — Мне так сильно хотелось этого...

Я невольно засмотрелась на его лицо в полумраке улицы.

— Знаешь, твои губы такие манящие, но их форма... она словно говорит о том, что у тебя жесткий характер и жизнь не была сплошным весельем. Даже не знаю, почему эти мысли пришли мне в голову, пока я просто наблюдала за тобой. Ты, наверное, думаешь, что я ненормальная?

Это замечание, сорвавшееся с моих губ, стало кирпичиком в фундаменте нашего будущего — будущего, где мы будем наслаждаться такими поцелуями часами напролет.

Сэм негромко рассмеялся, и этот звук в ночной тишине показался мне самой прекрасной музыкой.

— А кто тебе вообще сказал, что я нормальный? — Он притянул меня ближе к себе. — Нормальные люди — они ведь всегда скучные до жути.

И мы засмеялись вместе, чувствуя, как этот смех окончательно смывает все остатки неловкости между нами.

Было уже поздно, и он решил вызвать мне такси. Перед тем как я села в машину, мы снова поцеловались. Но на этот раз поцелуй был долгим — мы оба пытались распробовать его на вкус, понимая, что для этого, пожалуй, мало будет и целой жизни. В нем не было жадности или всепоглощающей страсти; скорее это было узнавание, попытка ощутить друг друга так близко, как никогда раньше. Наконец-то мы стояли вплотную, отбросив все сомнения, на что не решались месяцами.

Всю дорогу домой я писала ему, и он отвечал мгновенно. Нам обоим отчаянно хотелось поделиться чувствами от того, что произошло полчаса назад. Глупая улыбка на лице и ощущение, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди, — вот что сопровождало меня в ту ночь. Дома, глядя на шоколадный торт, я снова и снова прокручивала в голове каждую деталь нашего вечера.

Наступили выходные. Мы договорились встретиться вечером, когда он закончит работу, и куда-нибудь сходить. Стоял обычный осенний вечер. Резкий ветер напоминал, что лето давно позади и гулять слишком долго не стоит.

— Давай зайдем в этот бар? — предложил Сэм. — Было бы неплохо согреться и начать вечер там.

— Да, давай, если хочешь, — согласилась я, кутаясь в пальто.

Бар был переполнен — ни к стойке, ни к танцполу не подступиться. Мы решили начать с танцев, но Сэм, верный своей привычке, сначала отправился к бару за любимым виски с колой. Я решила составить ему компанию, хотя обычно не пила ничего крепче вина, да и то в особенных случаях. Сэм быстро вернулся с двумя бокалами, и вечер обещал быть богатым на впечатления.

На мне были высокие замшевые ботфорты, короткие черные шорты с заправленной в них рубашкой в тон и наброшенное на плечи пальто. Я видела, как горели его глаза при виде меня. Так было всегда. Этот его взгляд — жадный, живой, неизменно вспыхивающий при каждой нашей встрече — стал моим любимым допингом.

Наши танцы напоминали удары молнии среди ясного неба. Электрические разряды не просто пробегали между нами, они пульсировали в такт музыке, завораживая всех вокруг. Если бы мы хоть на секунду оторвали взгляд друг от друга, то наверняка заметили бы, что все в зале смотрят только на нас. Мы не просто привлекали внимание — нас было невозможно игнорировать. Даже те, кто не умел считывать энергию, просто не могли отвести глаз от нашей пары.

Я знала, что нравлюсь людям. Моя красота не была какой-то экзотической, но большие карие глаза заставляли прохожих задерживать взгляд на моем лице. Мои пухлые губы, казалось, излучали свет каждый раз, когда я улыбалась. Где бы я ни находилась, я была словно живой иллюминатор. Темные длинные волосы локонами спускались до самой талии, а четкие линии бедер делали фигуру еще более женственной. Мой невысокий рост только добавлял мне шарма, делая меня хрупкой рядом с уверенной силой Сэма.

Он был заметно выше среднего роста, крепкого телосложения. Но мое внимание всегда приковывали его волосы — черные, как смола. Обычному наблюдателю они могли показаться жесткими, словно проволока, всегда тщательно уложенные от лба назад. Но стоило прикоснуться к ним, как становилось понятно: первое впечатление обманчиво. Они были мягкими,

как шелк. Запуская в них пальцы, я словно ощущала нечто бесконечно нежное, и мне уже не хотелось выпускать из рук эту послушную гладкость.

Но особого внимания заслуживали его глаза. Карие, они отливали глубоким изумрудом. По крайней мере, так мне казалось, когда я часами тонула в них. В этих глазах я могла прочесть больше, чем способны описать все слова на свете. В тени его густых ресниц я обретала покой. Этот взгляд покорила меня еще при первой встрече. Глядя в его безумно красивые глаза, я знала — нам не нужны слова, чтобы понимать друг друга. Его губы тоже вводили в заблуждение. Резкий изгиб посередине делал их на вид грубыми, но в действительности они оказались невероятно чувственными. Однажды ощутив вкус этих губ, я поняла, что он останется со мной навсегда — неповторимый и единственный в своем роде.

После нескольких бокалов виски мы решили отправиться в наше любимое место — туда, где обычно проводили ночи напролет. Но оказалось, что в тот вечер там намечалось какое-то грандиозное пиршество, и пробиться внутрь было почти невозможно.

Едва мы нашли свободный пяточок около ди-джея, как я заметила в толпе парня, с которым встречалась совсем недавно. Я знала наверняка: они с Сэмом искренне не выносят друг друга. Душная атмосфера, толпа и эти «лица нон грата» заставили Сэма помрачнеть уже после первого бокала.

— Давай уйдем отсюда, — бросил он. — От вида некоторых людей у меня портится настроение.

Мы ушли, не дождавшись и двух часов ночи, что было совсем на нас не похоже — обычно мы танцевали до утра. Но так было, когда мы считались просто друзьями. Теперь же вибрации наших тел красноречиво призывали нас обоих немедленно покинуть людное место и укрыться от чужих глаз.

Мы были вместе уже больше месяца, и обоим казалось, что время пришло. По правде говоря, вряд ли мы могли ждать дольше. Именно поэтому мы все время встречались на нейтральной территории: оба знали, что стоит нам оказаться наедине, в четырех стенах, и мы не выйдем из дома много часов.

Наши опасения сбылись... но не в этот вечер. Сэму пришло сообщение от босса — ему нужно было вернуться к своему компьютеру, чтобы решить срочные рабочие дела. Это случилось обычным вечером четверга. Сэм должен был закончить работу в восемь, но звонка все не было. Я ждала, сидя на диване в своей квартире на другом конце города, то и дело поглядывая на телефон. Он позвонил спустя десять минут.

— Ты уже готова?

— Да, я ждала твоего звонка, — отозвалась я, стараясь скрыть волнение.

— Я еще не закончил, думаю, получаса мне будет достаточно. Просто жду имейл из Вены, поэтому все так затянулось. Ты не злишься?

— Конечно нет, что за вопросы! Это ведь работа, я все понимаю.

— Тогда давай встретимся недалеко от меня, а оттуда пойдем куда-нибудь выпить кофе. Как тебе идея?

— Отлично, я уже выхожу.

— Жду тебя. Целую.

— Целую.

По дороге я получила сообщение: письма из Вены все еще нет, и Сэм предложил мне подождать у него.

Я уже была в его квартире однажды. Это случилось в тот день, когда у меня возникли проблемы на работе. Я в отчаянии набрала его номер, и Сэм, бросив все свои дела, тут же примчался, лишь бы побыть рядом. Мы болтали часами, кочуя из одного кафе в другое. Когда у входа в очередное заведение ветер подул сильнее обычного, он обнял меня. В тот момент его объятия были нужны мне больше всего на свете. А после бокала вина они стали какими-то

обжигаясь новыми, заставив меня впервые взглянуть на Сэма не просто как на друга. После долгих часов прогулки по городу уже совсем рассвело. Мы пошли к нему домой: ему нужно было собрать чемодан перед командировкой. Пока Сэм укладывал вещи, я разглядывала его блокноты на прикроватной тумбочке, заполненные фразами на французском, в которых я не понимала ни слова.

И вот снова вечер четверга, и я снова в его квартире. Сэм продолжал работать, наконец-то получив письмо ближе к десяти часам. Я терпеливо ждала, сидя на кровати. Он любил работать в спальне, хотя в его распоряжении был целый кабинет.

Затем я начала мерить шагами комнату, пока он был погружен в дела. Мы планировали, что к одиннадцати он закончит, и мы наконец-то выберемся в город за бокалом вина или просто чтобы подышать ночным воздухом. Время шло. Я старалась быть менее заметной, чтобы не отвлекать его внимание. Но оказалось, что это совершенно невозможно. Изумрудное платье с длинным рукавом плавно обволакивало шею, оставляя дразнящий вырез на груди. Делая вид, что все его существо устремлено в ноутбук, Сэм то и дело бросал на меня взгляд, медленно затягиваясь сигаретой. Он всегда делал это с особым шармом, доступным только ему.

Стоя у окна и ловя струйки свежего воздуха из приоткрытой створки, я поймала на себе его взгляд, но промолчала. Вскоре Сэм закрыл ноутбук, закончив все дела на сегодня, и с облегчением прилег на кровать. Я села рядом.

— Ты не против просто обнять меня? — спросил он тихо. — Мне хотелось бы попробовать... сможем ли мы быть рядом?

Рядом с ним было так тепло и телу, и душе, что мне захотелось, чтобы это мгновение длилось вечно. Но когда я подняла голову, чтобы заглянуть ему в лицо, он поцеловал меня. На этот раз поцелуй был долгим, жарким и жадным. И все же мы наивно верили, что сможем выбраться из квартиры. Мы целовались, прерывались, обменивались какими-то нежными открытиями, которые только что обнаружили друг в друге.

Первые пару часов мы все еще боролись с собой, стараясь не заходить слишком далеко. Мы еще надеялись, что вот-вот уйдем. Но нам не суждено было вырваться из объятий друг друга — уж точно не в эту ночь. Мы остались в этой теплой постели, пропитанной жаром наших тел, и только свет утреннего солнца напомнил нам, что за окном есть другая жизнь. Но она была нам совсем не интересна.

Мы сопротивлялись своим инстинктам до последнего, не понимая, почему так долго сдерживаемся, ведь было очевидно: страсть одолела нас. В ту ночь мы наконец позволили себе почувствовать дыхание друг друга каждой клеточкой кожи.

В семь утра он вызвал мне такси. Сэма ждал длинный рабочий день, но мы всю ночь так и не сомкнули глаз. Он предложил проводить меня до машины, и я с интересом наблюдала, как он одевается. Впервые за много месяцев я увидела его в кроссовках и спортивных брюках.

— Я не знала, что ты носишь кроссовки! — удивилась я. — Так непривычно видеть тебя в совершенно другом амплуа.

— Я тоже человек, и в свободное от работы время вполне могу носить спортивное, — улыбаясь, заметил он.

— Да, я понимаю. Просто раньше на тебе была исключительно классика, и для меня стало открытием, как тебе идут худи и кроссовки.

Я не скрывала своего восхищения. Вероятно, это и было одним из тех качеств, которые так привлекали его во мне. Если мне что-то нравилось, я отдавалась этому чувству всей душой, не пытаясь его спрятать. Такой уж я была: несдержанной, эмоциональной, способной увлечься чем-то или кем-то всей силой своего существа.

Он часто наблюдал за мной, особенно в такие моменты, когда мое лицо превращалось в открытую книгу. Сэм любил говорить, что за полчаса рядом со мной можно прожить все «четыре сезона». Слезы, радость, любовь, смущение, восхищение, озарение, ревность и обиду

— мы проживали всю палитру эмоций вместе и именно в этой честности были по-настоящему счастливы.

Когда подъехало такси, я испытала легкий шок: Сэм вызвал для меня самый дорогой автомобиль из всех возможных в приложении такси — белоснежный «Мерседес». Он еще раз поцеловал меня перед тем, как открыть дверь. А я смотрела на него и думала, какой он необыкновенный — уставший, но абсолютно счастливый. Это внутреннее сияние было невозможно скрыть.

Пока я ехала домой, мы, как обычно, переписывались. Нам обоим казалось, что время убегает сквозь пальцы, и нужно успеть сказать так много слов, которые еще не были произнесены. Нам всегда не хватало времени друг с другом. Всегда было мало.

Вскоре мне предстояло улететь в другой город в составе группы оперативной поддержки — в отель, принадлежавший сети, где я работала. Мне безумно не хотелось туда ехать, но я надеялась, что разлука не продлится дольше недели. Однако спустя семь дней стало ясно: быстро дела на новом месте не решить. Вдали от Сэма я не могла думать ни о чем — работа валилась из рук, а все остальное казалось бессмысленным.

Затем он сообщил, что тоже улетает в Париж. Мы должны были успеть увидеться в тот короткий промежуток времени, когда я вернусь в Москву, а он еще не успеет ее покинуть.

— Мне нужно несколько дней, — сказал он тогда. — Я должен принять одно очень непростое решение. И когда я это сделаю, я тебе сообщу. Именно поэтому мне необходимо быть в Париже.

События неслись с такой скоростью, что я не успевала осознать: как я могла так быстро к нему привязаться? Почему мои собственные проблемы перестали существовать, а единственным желанием стало поскорее вернуться домой?

— Тогда не буду ждать окончания командировки. Плевать! Я найду способ вернуться домой как можно скорее. — Это было всё, что я могла тогда сказать.

В голове теснились мысли о будущем, но сейчас важным было лишь одно — оказаться в Москве. Убедив начальника, что в столичном отеле от меня будет больше пользы, я уже через пару дней приземлилась в Шереметьево.

Едва я переступила порог квартиры и бросила чемодан, раздался звонок. Боже, как же приятно было снова услышать его голос!

— Увидимся сразу, как только ты закончишь работу? — спросила я, не скрывая нетерпения.

— Да, конечно. Как только освобожусь, сразу наберу тебе. А тебе стоит выспаться. Уверен, ты сегодня ночью глаз не сомкнула из-за всех этих перелетов.

— И откуда ты всегда всё знаешь наверняка? — Я невольно рассмеялась.

— Выспись хорошенько. — По его голосу было слышно, что он тоже улыбается. — Ты же знаешь: сегодня ночью спать не будешь.

— Хорошо, босс. Мне нужно закончить пару мелких дел, и я буду отдыхать. Увидимся вечером. Целую тебя.

— Bisous!¹, — ответил он на французском.

А я в очередной раз тщетно попыталась повторить это за ним.

Вечером нас ожидал серьезный разговор. Я догадывалась об этом, но не хотела признаваться себе в очевидном. Чувства к Сэму занимали все мои мысли — на тревогу и любопытство времени просто не оставалось.

После ужина мы отправились к нему. Его квартира находилась на Арбате, всего в десяти минутах ходьбы от ресторана, и мы решили прогуляться. Объятия согревали нас, несмотря на холодный октябрьский ветер. Мы были вместе всего два месяца — срок совсем небольшой, но

¹ Целую. (фр.)

оба понимали, что уже успели оставить неизгладимый след в душах друг друга. Мы не обсуждали это: всё было ясно без слов, как то, что небо голубое.

Он решил начать разговор. Справедливо, ведь речь шла о переменах в его жизни.

— Мне звонил отец, — произнес он, когда мы уже были дома. — Мы не разговаривали больше года.

— Ты очень по нему скучаешь, я уверена. — Я села на пол рядом с ним, с нетерпением ожидая продолжения.

— Ты даже не представляешь, как. Особенно по отцу — ведь я его точная копия и внешне, и внутренне.

— Так что между вами произошло?

— Я должен вернуться в Париж, Сара.

— Да, ты уже говорил. И как долго ты собираешься там пробывать?

— Всего две недели. Мне кажется, это не так много. — Он посмотрел на меня, словно ища поддержки.

— Ну, это как сказать... Я едва выдерживаю два дня без тебя. — Я посмотрела на него, как преданный щенок, который просит, чтобы его погладили и обняли.

Сэм притянул меня к себе и крепко прижал к груди.

— Ты же знаешь, что это взаимно. Мне очень тяжело, когда тебя нет. Каждый раз, возвращаясь с работы в пустую квартиру, я остро чувствую, что здесь нет моей Сары, и мне становится невыносимо грустно. Ты не представляешь, что я испытываю, когда утром ты уезжаешь к себе, а я остаюсь один.

— Что? Расскажи мне...

Я обожала, когда он делился чувствами. Это было нашим любимым досугом — часами сидеть вот так и открывать друг другу то, что происходит в самой глубине души.

— Когда ты уходишь, мои простыни все еще пахнут тобой, — негромко признался он. — И когда я чувствую твой запах, я просыпаюсь, но тебя рядом нет. Знаешь, что я делаю тогда?

Я покачала головой, побуждая его продолжать.

— Я иду спать на диван. Просто чтобы не чувствовать твой аромат и не скучать по тебе так сильно.

Я обвила руками его шею и нежно поцеловала в щеку. Через несколько минут, нехотя отстранившись, я тихо произнесла:

— Надеюсь, эти две недели пролетят как один долгий день. И скоро ты вернешься ко мне — отдохнувший и полный энергии только для меня одной.

Он поцеловал меня — жадно и нежно одновременно — и увлек за собой в спальню. Сэм больше не хотел говорить о Париже. Он не хотел лишних вопросов и не желал волновать меня сильнее, чем того требовала ситуация. Он решил, что всё расскажет потом, когда вернется.

Глава

Глава 2

В это время года Париж был окутан еще совсем юной осенью. Ничто не говорило о близости зимы. Уличные кафе от Сен-Жермен до Елисейских Полей были переполнены, и найти свободный столик в любимом месте было почти невозможно. Сэм так давно не был дома, что теперь часами бродил по узким улочкам старого города, жадно впитывая знакомые виды и делая снимки. Некоторые он присылал мне, с нетерпением ожидая моих восторгов.

Это были потрясающие кадры: случайные прохожие, виды самого романтического города в мире и, конечно, Эйфелева башня на закате.

«Они прекрасны! — написала я в ответ. — Но больше всего мне нравится твое селфи. Ты же понимаешь: даже главная достопримечательность Парижа не может конкурировать с тобой...».

Он улыбнулся, глядя на экран телефона и потягивая утренний кофе на берегу Сены. Это было его любимое место. Сэм безумно скучал по этой простой рутине, обычной для каждого парижанина, но недоступной ему в Москве: свежий круассан, глоток воздуха и случайная встреча со знакомым из своего района. В шумной Москве такое было почти невыносимо.

Сэм присылал мне фотографии на фоне башни, а я с нетерпением считала дни. Я ушла с головой в работу и старалась заполнить делами каждую свободную минуту, лишь бы не думать о нем слишком много. Друзья, встречая нас с подругой, то и дело спрашивали: «А где Сэм?» Все привыкли видеть нас вместе, но он никому не сказал об отъезде.

Он успел решить все проблемы и вернулся ровно в срок, как и обещал. Две недели разлуки пролетели, и наше воссоединение произошло так плавно, будто мы и не расставались. Хотя внутри я знала: мне отчаянно не хватало нашего общения, не говоря уже о встречах, которые делали меня самой счастливой девушкой на свете.

Мы снова начали выходить в свет. Сэм отдавал мне все время, которое удавалось выкроить в перерывах между работой. Чаще всего это были ночи: ночи напролет он делился со мной самым сокровенным, что занимало его острый ум и увлекало его тонкую натуру. Его душа требовала этого обмена. Даже если мы виделись накануне утром, вечером он мог прийти ко мне на работу просто для того, чтобы выпить кофе и рассказать, как прошел его день. А если работа не отпускала, мы часами висели на телефоне: критиковали фильмы, подшучивали друг над другом или строили планы.

У нас никогда не было ощущения обыденности или скуки. Каждая встреча была яркой, неповторимой и наполненной нашими горячими взглядами. Когда мы ужинали в ресторанах, оба тайне не могли дожидаться момента, когда останемся вдвоем, хотя и общество друг друга на людях приносило нам огромное удовольствие. Сэм ловил на мне взгляды других мужчин, но это его не злило. Наоборот, он чувствовал себя привилегированным, находясь рядом со мной. Он знал, что многие были бы рады оказаться на его месте, но в моей вселенной больше никого не существовало.

Рядом с ним я была как замороженная. Я слушала его рассказы о школе, об отношениях с родителями, о детских проказах... И мне не было никакого дела до того, кто сидит за соседним столиком, даже если там была компания мужчин не менее привлекательных и уважаемых, чем мой Сэмми.

В одну из суббот Сэм сообщил мне, что у него слишком много работы и нам придется остаться дома, так как он был слишком измотан для любых прогулок по городу. Он встретил меня у метро, и я увидела в его глазах нескрываемое восхищение, смешанное с изумлением.

Впрочем, мне казалось, что у него всегда был такой слегка ошеломленный вид, когда он видел меня, и я втайне наслаждалась этой его реакцией.

В тот вечер я выбрала красную помаду — оттенок, который он на мне еще никогда не видел. Обычно я всегда делала ставку на глаза, а губы красила редко. В тон помаде на мне была красная дубленка, а мягкие кожаные перчатки и объемный кашемировый шарф идеально повторяли ее дерзкий и глубокий цвет. Длинные локоны прикрывала маленькая шляпка с отделкой тонкой алой нитью. Я была известной модницей и водила дружбу с несколькими искусными портными, поэтому многие вещи в моем гардеробе существовали в единственном экземпляре.

По дороге к нему мы решили заскочить в кофейню — Сэму явно требовалось взбодриться. Внутри было прохладно, поэтому я не стала снимать свой объемный шарф. Он укутывал мои плечи так плотно, что Сэм не мог разглядеть, во что я одета.

Наконец мы вышли на улицу и через несколько минут уже были у его двери. Только когда мы оказались в тепле его прихожей, и он помог мне избавиться от верхней одежды, на его лице появилась та самая совершенно счастливая улыбка с ноткой приятного удивления. Черное платье по колено скрывало всё тело, но небольшие вырезы возле ключиц, спускавшиеся к груди, моментально зажгли его воображение.

Сэм коснулся ладонью моей щеки, и мои длинные красные серьги-кисточки слегка пощекотали его запястье. Он наклонился для поцелуя, не в силах удержаться, чтобы не заключить меня в свои крепкие объятия, которым я с радостью отдалась.

Несколько часов спустя он поднялся с постели и ушел в гостиную. Накинув черное пальто прямо на голое тело, Сэм настежь открыл окна и закурил. Я последовала его примеру: набросила свою красную дубленку и, не заботясь о другой одежде, забралась на подоконник рядом с ним. Сэм стоял чуть сбоку, а я пыталась устроиться поудобнее, стараясь не касаться холодного дерева.

Ветер из окна развевал мои волосы, в такт им двигались нити сережек, пытаясь не уступать ритму стихии. Сэм делал затяжку за затяжкой, боясь упустить хоть мгновение этого зрелища. Он просто не мог оторвать от меня глаз. Я, сидящая на подоконнике, почти обнаженная под тяжелой меховой изнанкой дубленки, была для него слишком сильным искушением. «Вторая сигарета должна остудить мой пыл», — наверняка думал он. Но вторая сигарета уже догорала, а его взгляд все так же был прикован к открытому декольте, которое я тщетно пыталась запахнуть краями меха.

За окном уже начинало светать, и город понемногу просыпался, когда нас настиг неизбежный разговор. Он был коротким и убийственно тихим. Сэм сообщил, что у его жены умер отец. На фоне этого горя — или по холодному расчету — она выдвинула ультиматум: либо они мирятся, и он возвращается в семью, либо он больше никогда не увидит сына. Сэм сидел передо мной, и я видела, что он раздавлен. Это не было выбором между двумя женщинами. Это был выбор между своим счастьем и ребенком, который звал его, пока температурил в другой стране.

— Сара, я не могу иначе, — его голос был глухим, лишенным всяких эмоций. — Он болен... Если я не выберу их сейчас, она просто вычеркнет меня из жизни сына. Навсегда.

Я смотрела на него и понимала, что любые слова будут звучать жалко. Как можно просить мужчину выбрать тебя, когда на кону стоит его право быть отцом? Я видела, как он сжимает кулаки, как ему тошно от того, что его приперли к стенке, используя самое святое, что у него есть.

В этот момент я поняла, что это наше начало конца. Спасательный катер не прибудет — ждать его было просто неоткуда. Нужно было начинать обратный отсчет, но всё внутри сопротивлялось этому до тошноты.

В то время, что нам оставалось, я решила во что бы то ни стало принести атмосферу праздника в его квартиру. Мне хотелось этого, несмотря на то, какой груз лежал на душе у каждого из нас. Когда Сэм встретил меня, он сразу заметил в моих руках огромный пакет. Он был действительно внушительным, ведь внутри уместилась целая елка, пусть и в разобранном виде. Отдельно, аккуратно рассортированные по цветам, лежали упакованные игрушки. Мне не терпелось показать ему все сразу, но я сдержалась, пока мы не оказались в его квартире.

Когда он увидел содержимое, его лицо изменилось. Оно буквально заискрилось такой благодарностью, что я сама едва не расплакалась.

— Это твое первое Рождество в России, — сказала я, глядя на него. — Я понимаю, каким тяжелым выдался для тебя этот год. Знаю, что ты не большой фанат зимних праздников, но мне было так важно устроить для тебя маленькое чудо. Надеюсь, что у меня хотя бы немного получилось. Что скажешь?

— Ты даже не представляешь, насколько! — воскликнул он. — Я очень это ценю, Сара. Спасибо тебе. Ты знаешь, как сделать меня счастливым. Я так рад!

Сэм крепко прижал меня к себе, и в тот момент мне больше ничего не было нужно. Я уже потянулась к пакету, чтобы начать распаковывать украшения, но он меня остановил.

— Я не видел тебя два дня, — мягко остановил он меня. — Я так хочу рассказать тебе всё, что случилось за это время, и послушать тебя... Рождественские украшения могут подождать.

Мне не терпелось заняться елкой, но я уступила. В ту минуту мне и самой больше всего на свете нужно было лишь одно — поскорее раствориться в его объятиях.

На следующее утро он проснулся от манящего аромата кофе и едва слышных звуков музыки, которую мы оба так любили. Покрутившись еще немного в теплой постели и не обнаружив меня рядом, Сэм решил посмотреть, что же происходит на кухне.

Я видела по его лицу — он был впечатлен. Хотя я так часто поражала его своей непредсказуемостью, что, казалось, он должен был привыкнуть, но в этот раз я превзошла саму себя. На большом обеденном столе красовалась елка. Белые концы ветвей идеально сочетались с белыми шарами, которые я развесила в строгой последовательности. Красные домики с заснеженными крышами и мелкие алые сферы завершали убранство. Я бережно вплела белые огоньки в хвою и расставила свечи у основания.

Я стояла, опершись на край стола, с чашкой горячего кофе. На мне была только его персиковая майка, которая едва прикрывала мое уже слегка озябшее тело. Эта картина в его голове явно начала конкурировать с воспоминаниями о разговорах на подоконнике и нашей страсти. Но сейчас всё было иначе: это утро было наполнено домашним теплом, заботой и моей отчаянной попыткой показать чувства через уют.

Сэм замер, окутанный этими вибрациями, и лишь спустя минуту подошел ко мне. Он нежно взял мою руку и поцеловал внутреннюю сторону ладони.

— Тебе нравится? — прошептала я. — Надеюсь, я не разбудила тебя, пока шуршала коробками? Мне так хотелось дать тебе поспать подольше.

— Ну что ты, — улыбнулся он. — Мне все равно пора вставать и работать. Ты молодец, что сварила кофе и для меня.

Я достала вторую кружку и наполнила ее, добавив молока и сахара — именно так, как он любил. Так началось утро двух людей, которые знали, как сделать обычный рабочий день по-настоящему счастливым. Нам не нужны были миллионы долларов или апартаменты на Пятой авеню. Мы просто знали, как радовать друг друга.

Нас нельзя было назвать заурядными любовниками. Наш роман был особенным в своей простоте и в том редком взаимопонимании, когда ты точно знаешь, что нужно другому в конкретный момент. Осознание того, что рядом есть человек, на которого можно положиться в любую минуту, стоило дороже любых сокровищ мира.

Но две недели спустя всё изменилось.

Глава 3

Несколько дней Сэм практически не звонил и не писал. Я всё поняла. Ему не хватало храбрости, элементарной смелости озвучить то, что должно быть сказано рано или поздно. Его молчание причиняло мне почти физическую боль. Если бы он просто нашел в себе силы сказать, что принял то самое решение, что нам пора всё прекратить... Но он трусил.

В глубине души мне было не просто горько — я чувствовала, как во мне зарождается разочарование. Я всегда презирала мужскую слабость, не выносила этого желания спрятаться от ответственности. Слабые люди пугали меня, ведь я сама никогда не позволяла себе роскошь сдаться или опустить руки.

Весь выходной я провела в мучительных раздумьях: стоит ли позвонить самой и расставить все точки над *i*? Это было бы гораздо проще, чем задыхаться в неведении. Вечером я шла домой, смахивая слезы, которые обжигали щеки на холодном ветру. Наконец пальцы сами набрали короткое сообщение: «Мы больше не увидимся?»

Но ответа не последовало.

На самом деле я просто не знала, как спросить его напрямую, действительно ли между нами всё кончено. Фактически он никогда не называл меня своей девушкой, хотя в компании друзей я не раз слышала от него «моя девочка». Все знакомые привыкли видеть нас вместе — так же, как и раньше, когда мы считались просто друзьями.

Это было невыносимое утро. Руки дрожали весь день, нервы были натянуты до предела. Даже предновогодняя суета вокруг не обещала ни капли веселья. Вечером он пришел ко мне на работу.

Мы сидели в моем бэк-офисе, как это обычно бывало. Я заварила ему большую кружку черного кофе, смешала горячее молоко с сахаром и поставила рядом. Сама я встала напротив, опершись на стол позади себя. Я намеренно держала дистанцию, боясь дать волю чувствам и поддаться соблазну просто обнять его.

— Сядь ко мне, — почти повелительным тоном произнес он, кивнув на свои колени.

Я отказалась, но он повторил просьбу, на этот раз более настойчиво. Только тогда я сдалась. Села к нему на колени и просто положила голову ему на плечо. Мы сидели в полной тишине, и в этом молчании я кожей чувствовала, как последние крупички нашего счастья просачиваются сквозь пальцы.

В это время дня я обычно была свободна от рабочих обязанностей, поэтому мы могли сидеть в тишине долго — и никто бы нас не побеспокоил.

— Кто я для тебя? — Я вдруг нарушила молчание, не поднимая головы.

— Что ты имеешь в виду? — Он попытался сделать вид, что не понял вопроса.

— Кто я для тебя? — повторила я, на этот раз глядя ему прямо в глаза.

Последовала пауза, показавшаяся мне вечностью. Он выпрямил спину, заставляя меня отстраниться, чтобы видеть мое лицо. Только сейчас я разглядела, насколько он был напряженным, суровым и осунувшимся от усталости.

— Ты хочешь услышать, люблю ли я тебя? — Его голос стал резким, сорвавшись на тон выше обычного. — Да, я тебя люблю! Думаешь, я не спрашивал себя об этом все то время, что мы знакомы? Поверь, я спрашивал. И не раз. Все те месяцы, пока ты не подпускала меня к себе, я мучился одним вопросом: почему я никак не могу выкинуть тебя из головы?

Он замолчал на секунду, тяжело дыша.

— Знаешь, сколько раз твое равнодушие било по моей гордости? Я делал вид, что меня это не цепляет, а внутри закипал: «Да что она вообще о себе возомнила?!» Да, я люблю тебя!

Я сидела молча, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, но не собиралась ничего говорить. Казалось бы, я должна была обрадоваться. Ведь я столько раз гадала: любит ли он

меня? Я отчаянно цеплялась за надежду, что в его сердце есть хоть капля любви ко мне — ведь свой ответ я знала уже давно.

Но стоило этим словам прозвучать, как долгожданная радость обернулась пеплом. Вместо облегчения я почувствовала лишь невыносимую горечь. Это признание было слишком запоздалым. Оно больше не имело ни силы, ни власти, ни смысла. Это было похоже на то, как если бы ураган стер с лица земли целый остров, а спасатели прибыли бы уже тогда, когда спасать стало некого...

Увидев мою растерянность, он вдруг воскликнул:

— Чего ты ждешь от меня, Сара? Чтобы я развелся?! — И его голос сорвался, почти превратившись в хрип.

— Нет, — тихо ответила я. — Этого я не жду. Уже нет.

— Моя жена и сын переезжают ко мне в Москву. Но у нас еще есть немного времени...

В тот вечер он сказал еще много всего, но я его не слышала. Все слова просто проносились мимо, не задевая сознания. Я словно оказалась в вакууме собственной боли, не в силах воспринимать ничего из того, что он пытался мне объяснить или чем оправдаться.

В этой звенящей тишине, наступившей после его признания, пришло пугающее спокойствие. Я поняла, что бороться больше не за что, но разорвать всё в одну секунду выше моих сил. Мы решили провести оставшиеся нам дни, словно стараясь запомнить друг друга до мельчайших деталей прежде чем его прошлая жизнь окончательно вытеснит меня. Мы оба знали, что мой день рождения станет нашим последним общим праздником. Я не ждала от Сэма ничего грандиозного. По правде говоря, вообще сомневалась, что в этой суете он найдет время на магазины, чтобы выбрать для меня что-то особенное. Да и на что я могла надеяться? Ведь он прямо дал мне понять, что не может быть моим мужчиной. Твердый рационализм иногда брал во мне верх, но его все равно не хватало, чтобы прервать эту связь раньше срока. У нас еще оставалось время — то самое драгоценное время, которое никто из нас не хотел терять. Мы просто планировали быть вместе, пока это было возможно.

Я мечтала провести этот день с ним и написала ему заранее:

«Если получится, я была бы счастлива отпраздновать свой день рождения с тобой. Прошу, сообщи мне заранее, сможешь ли выкроить время».

Накануне я решила напомнить о дне икс. Как и ожидалось, Сэм перепутал даты.

— Я думал, это послезавтра, — ответил он.

— Ничего страшного. Я знала, что ты можешь забыть, поэтому уточняю, стоит ли бронировать столик. Когда ты освободишься?

— Конечно, бронируй! Выбери любой ресторан, который тебе нравится. Думаю, в девять вечера будет отлично, я как раз успею закончить работу.

— Хорошо, тогда я все устрою.

— Целую.

— И я тебя. Bisous.

Забрав из магазина два платья, заказанных за месяц до этого дня, я остановила свой выбор на черном. Платье-карандаш плотно облегал фигуру, едва прикрывая колени. Верх был выполнен из прозрачной сеточки, вдоль которой от ключиц до самой груди спускались густые полосы крупных серебристых камней. Они делали наряд менее открытым, но при этом невероятно притягательным. Ворот был усыпан камнями покрупнее и украшен мелкими черными перьями, придававшими образу шика, а ботфорты на высоком каблуке, которые я подобрала к этому платью, прибавляли мне роста и шарма.

Сэм встретил меня с тем же выражением ошеломленного восторга, которое я замечала на его лице каждый раз, — будто он видел меня впервые. Его неизменно поражало, сколько усилий я прилагала, чтобы выглядеть красиво, но больше всего ему льстило осознание того, что всё это предназначалось только для него.

Я выбрала ресторан на реке, интерьер которого напоминал палубу «Титаника». В этом была какая-то горькая ирония: моя собственная жизнь сейчас тоже медленно шла ко дну. При входе нужно было пройти по небольшому понтону, периметр которого освещали золотые огоньки, дрожавшие в темноте. В холле нас встретил портень, помог снять верхнюю одежду, и мы начали подниматься по огромной винтовой лестнице, словно в богато обставленном замке. В перила были вплетены цветы с крошечными лампами внутри, а ступеньки устилал нежно-зеленый ковер с коричневым орнаментом, идеально сочетавшимся с отделкой стен. Нам достался круглый столик у окна. За стеклом, будто за бортом корабля, сиял огнями город, отражаясь в темной воде реки. Вечер обещал быть незабываемым.

Когда мы вошли в главный зал, взгляды гостей мгновенно приковались к нам. Мы двигались медленно, ловя на себе чужое любопытство. Наверное, со стороны мы казались либо любовниками, которые встречаются слишком редко, чтобы пресытиться друг другом, либо парой, которая настолько поглощена своей связью, что остальной мир перестал для них существовать. Мы действительно не замечали никого вокруг: жизнь других людей в тот момент казалась лишь блеклым фоном.

Мы сделали заказ. От алкоголя решили отказаться: все-таки был будний день, и это помогло сохранить ту болезненную ясность ума, которая была нам сейчас необходима. Пока мы ждали закуски, две дамы за соседним столиком начали откровенно нас рассматривать. Они проводили Сэма пристальным взглядом, когда он вышел покурить, и, как только он скрылся из виду, переключились на меня. Я не слышала их слов, но видела, как они что-то бурно обсуждают, не сводя с меня глаз: то ли мой наряд, то ли мужчину, который только что оставил меня одну.

Вернувшись, Сэм предложил сделать несколько совместных фотографий. Мы вдруг осознали, что за все это время у нас не появилось ни одного общего снимка. Удостоверившись, что кадры нравятся нам обоим, мы продолжили беседу и принялись за изысканные блюда, уже ожидавшие нас на белоснежной льняной скатерти.

В начале двенадцатого Сэм сказал, что нам пора домой. Ему хотелось, чтобы я загадала желание наедине с ним, а не в людном ресторане.

Когда мы вошли в квартиру, он попросил меня подождать и не входить в столовую. Спустя пару минут я переступила порог.

— Joyeux anniversaire, joyeux anniversaire, joyeux anniversaire, Sara... — Он с улыбкой напевал мне «С днем рождения» на французском.

— Мне нужно задуть свечи? — спросила я, замороженно глядя на торт в его руках.

— Ну конечно! И не забудь самое главное — загадать желание.

Я закрыла глаза, прошептала про себя то самое единственное желание и принялась задувать свечи, которые тихо проигрывали знакомую мелодию Happy Birthday. В этот момент я была по-настоящему, абсолютно счастлива. Сэм крепко прижал меня к себе, и мы стояли так какое-то время, растворяясь в тишине и тепле друг друга.

Я совсем не ждала подарков, но, когда он протянул мне небольшой нарядный пакет, буквально просияла. Внутри оказался флакон Coco Mademoiselle.

— Знаешь, у меня с этим ароматом связана одна старая история. — Сэм присел на край стола, не сводя с меня глаз. — Однажды в Париже я сидел в такси. Когда я открывал дверь, ко мне подошла женщина и спросила, не могли бы мы разделить поездку. Я согласился. Она выглядела роскошно, но больше всего меня поразила ее запах. Я не удержался и спросил: «Мадам, вы не будете так любезны сказать название вашего парфюма?»

Сэм на секунду замолчал, погружаясь в воспоминания.

— Женщина была вдвое старше меня. Она окинула меня пристальным взглядом, и уголки ее губ тронула мимолетная улыбка. «C'est Chanel. Coco Mademoiselle. Но я не думаю,

молодой человек, что вам будет легко найти даму, способную носить этот аромат так, как он того заслуживает».

В этот момент машина затормозила, моя спутница вышла, а я поехал дальше, оставаясь под впечатлением от ее слов. И вот столько лет спустя я понял: этот запах — твой. Мне не терпится почувствовать его на твоей коже, ведь я так долго искал девушку, которой он подойдет.

Это было так по-особенному... Его воспоминания, мой день рождения, его стремление сделать этот вечер незабываемым через такие личные, продуманные детали. Сэм обладал редким даром — превращать простые жесты в нечто уникальное и глубоко чувственное.

Таким мне и запомнилось мое двадцатипятилетие: разговоры до самого рассвета и бесконечные объятия бесконечно дорогого моему сердцу мужчины.

Глава 4

После моего дня рождения прошло несколько дней, а от него практически не было вестей. Я не находила себе места. Одна часть меня — та, в которой было больше гордости и независимости, — твердила: «Не смей писать ему первая. Если мужчина хочет, он всегда найдет способ заявить о себе». Но была и другая часть, которая считала такое поведение неразумным и даже эгоистичным. Мне казалось: а вдруг он в беде, а я тут включила «мисс независимость»? Каким же наивным ребенком я была... А самое главное — я просто ужасно по нему скучала.

Всю первую половину дня я пыталась загрузить себя делами, чтобы хоть как-то отвлечься, но к обеду рабочий ритм затих, оставляя меня один на один с этой невыносимой тишиной. Нужно было возвращаться домой. Стоя на остановке под пронизывающим ледяным ветром в самый разгар суровой русской зимы, я все-таки написала ему. Пальцы дрожали и не слушались, дыхание перехватывало. Я плакала и пыталась скрыть эти слезы от прохожих, а главное — от самой себя, все той же «независимой и гордой женщины». Очевидно, мне это плохо удавалось. В итоге я ушла с остановки и побрела домой пешком — слезы просто душили меня.

Он ответил через пару минут. Было очевидно, что это просто вежливость. В его сообщениях читалась попытка скрыть свои настоящие чувства и ту боль, что была на другой стороне. Он стремился убедить и себя, и меня, что всё в порядке, хотя я знала: он тоже скучает. Безумно.

Ему было больно, я чувствовала это, но моя собственная боль была куда сильнее. Я не хотела верить, что ему тоже непросто сохранять эту маску равнодушия. Его холодные, лишённые эмоций строки положили конец моей надежде увидеть его хотя бы еще раз — поговорить, как прежде, поддержать за руку. Мне хотелось дать ему понять, как он мне нужен, но я не посмела. Я слишком ясно ощущала его намерение: закончить эту историю как можно скорее.

Прошел еще один бесконечный день. Я снова была на работе, пытаюсь скрыться в рутине. Бегаю по этажам, я не сразу заметила, что телефон в кармане разрывается от звонка. Это был он. Я замерла, сделала глубокий вдох и ответила, на ходу меняя тон с нежного и ранимого на подчеркнуто деловой. Я отчаянно хотела показать, что вчерашняя слабость осталась в прошлом. Это была тщетная попытка, но я старалась изо всех сил, и он подыграл мне.

— Ты так хорошо подготовилась, — заметил Сэм. — Совершенно другой тон. Отличная работа.

— Ты что-то хотел? — Я старалась звучать холодно, хотя голос все равно подрагивал.

— Да. Хотел сказать, что зайду к тебе сегодня вечером. Ты не против?

— Хорошо, заходи.

— Буду около десяти.

— До встречи.

Весь оставшийся день прошел как в тумане. Руки тряслись, тело отказывалось слушаться, а мысли путались, совершенно не желая концентрироваться на делах. Я только и думала о том, что он скажет, как это будет и как я все это переживу. Мне, наивной, казалось, что я легко со всем справлюсь и буду держаться молодцом, хотя я даже не представляла, что отвечу ему при встрече.

Сэм пришел, как и обещал, около десяти. В тот момент я стояла на стуле, пытаюсь поправить папки на верхних полках. Он вошел уверенно, по-хозяйски: он слишком хорошо знал это место. Я спустилась, обулась, и он мягко предложил мне присесть.

Сама того не осознавая,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.